

АНЬ ЮЙ

ТУШЕНАЯ СВИНИНА

INSPIRIA

Москва
2020

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
А74

An Yu
BRAISED PORK

Copyright © 2020 by An Yu
This edition published by arrangement with United
Agents LLP and The Van Lear Agency LLC

Copyright © Cover design and artwork Suzanne Dean

Перевод с английского *Михаила Тарасова*

Художественное оформление *Юлии Девятовой*

Ань Юй.

А74 Тушенная свинина / Ань Юй ; [перевод с ан-
глийского М. Тарасова]. — Москва : Эксмо,
2020. — 256 с.

ISBN 978-5-04-113322-1

Удивительно гармоничные, завораживающие кар-
тины Востока предстают перед нами в этой книге. Объя-
тый смогом Пекин оставит привкус сюрреалистично-
сти, а тюльпанные поля ночного Тибета зачаруют своей
таинственной, мифологической красотой.

Все началось в тот день, когда Цзяцзя обнаружи-
ла своего мужа утонувшим в ванне. Жене после него
остались пустая квартира и набросок загадочного ры-
бочеловека, того, что явился мужу во сне во время пу-
тешествия в Тибет. И Цзяцзя уверена, что именно это
существо по ночам вводит ее в пугающий, но такой
притягательный мир воды... Одна, потерявшая почву
под ногами, Цзяцзя отправится в путь, чтобы наконец
отыскать себя.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-113322-1 © Тарасов М., перевод на русский язык, 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ГЛАВА 1

Оранжевый шарф соскользнул с плеча Цзяцзя и упал в ванну. Он пропитался водой и погрузился в нее, потемнел и заколыхался над головой Чэнь Хана, как золотая рыбка. Несколько минут назад Цзяцзя вошла в ванную комнату, повесив на каждое плечо по шарфу, чтобы спросить мужа, какой ему больше нравится. Но спросить не получилось: муж сидел в недополненной ванне на корточках лицом вниз, выставив из воды зад.

— О! Ты пытаешься вымыть голову, милый? — спросила она, не найдя других слов.

Она прекрасно понимала, что он не станет с ней так шутить. Но разве взрослый человек может утонуть в ванне? Она проверила пульс на его запястье и, наклонившись, посмотрела, не идут ли из носа пузырьки. Окликнула по имени, залезла в ванну и потащила тело: она хотела его поднять, чтобы, по крайней мере, распрямить. Но это оказалось невозможным:

муж словно окоченел, застыл, как сломанный робот.

Скорая была уже в пути — во всяком случае, так сказали по телефону. Цзяцзя встала коленями на пол, выложенный бежевой плиткой, и выдернула пробку, чтобы спустить воду. Это было единственное, о чем она могла в тот момент думать. Возможно, без воды Чэнь Хан снова сможет дышать. Положив скрещенные руки на борт ванны, Цзяцзя рассматривала тело мужа, словно скульптуру в музее. Она никогда не слышала такой тишины. Она была уверена, что эта тишина наступила впервые за время их брака: всегда, даже когда они спали, были какие-то звуки — его храп, работа кондиционера, шум машин на улице. Но сейчас она ничего не слышала. Его скорчившееся тело, казалось, становилось все более серым и недолговечным, как статуя, вылепленная из высушенной необожженной глины, готовая вот-вот развалиться. Цзяцзя внезапно почувствовала рвотный позыв, вдруг осознав, что некоторое время назад перестала дышать. Она прикрыла рот ладонью, мысленно пытаясь отвлечься на другое, и спросила себя, сколько времени нужно телу, чтобы остыть после смерти. Несколько минут? Час? Несколько часов? Она не знала. Влажный воздух сдавливал горло, словно чьи-то руки. Отделанная мрамором ванная комната, которая всегда казалась

слишком большой для двоих, теперь представлялась чересчур маленькой, и в ней было трудно дышать. Цзяцзя стало ясно: Чэнь Хан не подумал, что для смерти это место совсем не подходит. Не подумал он и о жене, которой предстояло найти его первой, ведь когда это произойдет, она окажется совсем одна и, конечно, будет вынуждена ждать, когда в ванную войдет кто-то еще. Он не представил себе ее состояние, когда она увидит его в ванне, голого и мертвого, потому что иначе наверняка выбрал бы другой способ уйти из жизни.

Тем утром во время завтрака Чэнь Хан вздохнул и, не до конца прожевав маринованный огурец, пробормотал, что, пожалуй, неплохо бы снова побывать в Санье, куда они прежде ездили каждый год. Впервые за несколько недель муж сказал что-то обнадеживающее. В прошлом году он отменил их отпуск по неустановленным причинам — из-за дурных предчувствий, как опасалась Цзяцзя, из-за отсутствия интереса к ней и их браку. Он никогда ее не любил, и она это знала. Она была не дура. Но они обещали друг другу пожизненный союз, скрепленный если не любовью, то решимостью создать семью. И пока он уверял, что намерен оставаться ее мужем, все остальное можно было простить.

— Когда поедем? — немедленно спросила Цзяцзя у Чэнь Хана, все еще дожевывавшего

огурец. — Я начну собирать вещи сразу после завтрака.

— Когда захочешь. Я намерен принять ванну.

— Ванну?

Цзяцзя знала, что Чэнь Хан никогда не принимает ванну: он не видел удовольствия в том, чтобы лежать в горячей воде, и предпочитал душ, полагая, что он обеспечивает наибольшую чистоту тела. Цзяцзя хотелось спросить мужа поподробнее — она быстро проглотила еду, запила водой и уже открыла рот, чтобы заговорить, но решила промолчать, опасаясь раздражать Чэнь Хана вопросами, способными испортить ему настроение в столь ранний час.

— Не бери слишком много вещей, — предупредил он, поднеся ко рту миску с жидкой рисовой кашей, и одним глотком допил остаток.

Цзяцзя слышала, как он вставил в сливное отверстие затычку и включил воду. Был ноябрь, она только недавно разложила в шкафу зимние вещи. Цзяцзя открыла чемодан, встала на стул и принялась доставать из верхнего отсека шкафа летнюю одежду мужа, не давая себе отвлекаться — из страха что-нибудь забыть. Она не позволит невнимательности испортить поездку. Пусть он примет ванну, решила она, пусть побудет один.

К тому времени их брак достиг стадии, когда для нее не было ничего проще, чем пако-

вать вещи Чэнь Хана. Перед первой совместной поездкой, когда Цзяцзя собирала чемодан для медового месяца, это была настоящая катастрофа. Она взяла слишком много носков и забыла шахматы. После того случая она быстро научилась паковать чемодан по вкусу мужа: скатывать трусы валиками, складывать рубашки, класть между ними шахматы — так, чтобы те были защищены после того, как чемодан сдадут в багаж, — и оставлять небольшое пространство для сигар в правом верхнем углу, чтобы мужу было удобно их доставать.

Собрать свои вещи на этот раз оказалось сложнее. У нее не было времени купить новую одежду — Чэнь Хан всегда велел делать это перед очередной поездкой.

«Пройдись по магазинам, — говорил он. — Поизучай витрины. Присмотри себе что-нибудь новенькое. Ты будешь хорошо выглядеть на пляже и станешь счастливее».

Может, ей стоит пройтись по магазинам завтра? Но Чэнь Хан попросил, чтобы она не брала слишком много вещей. Может, дело в нехватке денег? Что-то не ладится с бизнесом? Ей снова захотелось прервать купание мужа и спросить его самого. *Почему ты принимаешь ванну? Ты никогда этого не делаешь. Что-то не так на работе?* Она была его женой, а не любовницей, и имела право знать. Но, как это часто бывало, она боялась нарыть

неприятные факты, которые он предпочел бы скрыть.

В конце концов она решила все-таки проверить, успокоила ли его ванна. Возможно, он даже сумеет открыться ей. Поэтому она выбрала два шарфа, оранжевый и пестрый, подождала еще несколько минут, отрепетировала улыбку и осторожно толкнула дверь ванной.

Надо было спросить, какой ему больше нравится, в самом начале, за завтраком. Теперь вопросы остались внутри нее. На самом деле ничего не изменилось, и эта мысль заставила Цзяцзя почувствовать невыносимое негодование и отвращение к человеку, за которого она позволила себе выйти замуж. Не в силах больше сдерживаться, она, зажмурившись, побежала в туалет, и ее вырвало. Он предал ее. Бросил. Не выполнил единственное свое обещание. Все в нем стало жалким, отталкивающим. Его брови остались нахмуренными даже после смерти, живот свисал, как мешок, на макушке виднелась проплешина.

Она подняла голову и заметила на стопке полотенец возле раковины листок бумаги. Бумажка была сложена посередине и то слегка приоткрывалась, то опять закрывалась. Как будто неслышно дышала в тишине ванной. Цзяцзя потянулась к ней, разверну-

ла и увидела рисунок — рыбу с человеческой головой. Это оказался набросок Чэнь Хана — она достаточно хорошо знала его грубоватый стиль.

На теле изображенного существа виднелись изогнутый спинной плавник и чешуя. Даже из несовершенного наброска было видно, какой мощью обладал большой хвост. Рисунок был сделан в спешке, но человеческая голова, в отличие от тела, была проработана очень тщательно. Она казалась точным портретом, все было на месте: морщины, волоски, торчащие из ноздрей, припухшие мешки под глазами. Это была мужская голова, глядящая как-то сквозь, на далекий горизонт. Она напоминала фотографию на удостоверение личности. Человек не смеялся и не хмурился. В голове не было ничего особенного, за исключением, пожалуй, чересчур большого и открытого лба. Лицо не говорило ни о любопытном прошлом, ни о захватывающем будущем.

Цзяцзя вспомнила сон, о котором рассказывал Чэнь Хан. Он в одиночку поехал в Тибет в поисках того, что называл «духовным очищением от всего этого вот». Хотя Чэнь Хан не был религиозен, он не только бросал деньги в ящики для пожертвований, когда бывал в храмах, но и периодически отправлялся в подобные поездки. Цзяцзя зна-

ла: они ему нужны, но для чего, предпочитала не думать. Она часто убеждала себя, что она — жена, хранительница домашнего очага, а он — человек, который очень тщательно подыскивал спутницу жизни, человек, который никогда не покинет ту, что выбрал, даже если иногда его сердце покоится в чужой постели. Поэтому Цзяцзя собирала ему вещи, провожала до дверей и ждала, когда муж вернется.

Недавняя поездка Чэнь Хана, примерно месяц назад, была первым посещением Тибета. Однажды ночью он позвонил оттуда Цзяцзя и описал человека, явившегося ему во сне.

— Едва ли можно его назвать человеком, — рассказал он. — Собственно, он был маленькой рыбкой, которую подали на тарелке, и все ее ели. Мы съели все, до последнего куска. Даже кости. Но как только мы принялись за голову, та заговорила. Боже, как мне было страшно! Странно, что я не проснулся. Лишь когда голова заговорила, стало ясно, что она не рыба. Голова была мужская. Человек болтал без умолку, смеялся и шутил, что припозднился и мы не должны ждать, когда он начнет есть. Я все еще слышу его раскатистый хохот.

Чэнь Хан не помнил остальную часть сна и не знал, кто этот человек. В то время Цзяцзя

не придала рассказу особого значения. Единственное, о чем она думала, — это о том, что Чэнь Хан, наверное, был один, раз позвонил ей посреди ночи, и не делил постель с другой женщиной, по крайней мере в той поездке. На самом деле она совершенно забыла об этом сне, потому что после возвращения Чэнь Хана из Тибета он не заговаривал ни о рыбке, ни о человеке. Цзяцзя вспомнила о них только сейчас.

ГЛАВА 2

Лео стоял в одиночестве за темной деревянной стойкой своего бара, обслуживая последнего посетителя. На хозяине заведения были белая рубашка, черный жилет, бордовый галстук-бабочка, рукава рубашки он закатал до локтей, а руки были мокрые от мытья бокалов. На проигрывателе закончилась пластинка Билли Холидей, он медленно вытер руки и заменил ее на Чета Бейкера. Он всегда старался выглядеть спокойным и хорошо воспитанным, ограничиваясь лишь теми движениями, что необходимы для работы, — навык, отточенный годами труда. Он редко хохотал, но никогда не казался недружелюбным, иногда вступал в разговор, когда посетителей было немного. Никто не знал его полного имени, ему было достаточно оставаться «Лео». Такая скрытность нравилась — образ отстраненного профессионала, лихо заправляющего собственным баром. Имелось и дополнительное

преимущество: английское имя придавало этому месту атмосферу изысканности.

Ночь тянулась медленно, за стойкой сидела только одна посетительница. Эта женщина лет тридцати с небольшим в последнюю неделю приходила в бар почти каждый вечер. Лео знал ее покойного мужа Чэнь Хана. Супруги жили в многоквартирном доме напротив. Офис мужа тоже находился неподалеку, так что Чэнь Хан был завсегдатаем бара. Иногда заходил один, но в основном — с компанией. Очень редко приводил с собой жену, но она никогда не задерживалась дольше, чем требовалось для того, чтобы допить бокал вина. Она пила только вино.

Лео всегда внимательно наблюдал за клиентами и получал удовольствие, когда мог сказать, в каком они настроении, пришли в бар с деловыми партнерами или с друзьями, хотят ли, чтобы бармен с ними поговорил. Он прекрасно помнил Чэнь Хана: чисто выбритый мужчина, смуглый даже зимой, с очень редкими намеками на южные тона в мандаринском языке. Большинство приняло бы его за местного, но Лео, родившийся и выросший в Пекине, уже много лет держал бар и наблюдал за людьми. Чэнь Хан был слишком высок для южанина, широкоплеч и крепко сложен, но каждый раз, выходя из бара, он опускал голову, приподнимал плечи и слегка ускорял шаг.